

¹²⁷ Калугина Г.В., Ольховая Л.В. Народное образование в Екатеринбурге в конце XVIII — начале XX века//Из истории духовной культуры до-революционного Урала. XVIII — начало XX века. Свердловск, 1979. С. 113 — 114.

¹²⁸ Начальное народное образование в России. Т. 3. С. 32.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ ГАСО. Ф. 658. Оп. 1. Д. 421. Л. 125 — 125 об., 131.

¹³¹ Черныш М.И. Проведение городской реформы в Перми. Классовая сущность новых органов городского управления (к истории Перми 1870 — 1881 гг.)/Ученые зап. Пермского гос. ун-та. Т. XVII, вып. 4. Пермь, 1961. С. 186 — 187.

¹³² Бажов П.П. Далекое — близкое. Свердловск, 1989. С. 262.

¹³³ Екатеринбургская неделя. 1880. 24 сент. № 38. С. 609.

¹³⁴ ГАПО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 122. Л. 42 об.

¹³⁵ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 46. Л. 13 об., 28.

¹³⁶ Там же. Д. 47. Л. 74.

¹³⁷ Там же. Д. 57. Л. 23 — 31 об.

О.Г. Попова, М.И. Люхундаев

ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Историческая традиция на протяжении многих десятилетий формировала образ левых эсеров как давних политических противников большевиков. Открытие в последние годы ранее недоступных фондов, публикация некогда секретных документов и работ западных исследователей позволяют по-новому взглянуть на роль левых эсеров в формировании советской государственности.

Несмотря на то, что союз ПЛСР и РСДРП(б) был кратковременным и противоречивым, он явился одним из решающих факторов становления и упрочения Советской власти в начальной фазе нового этапа русской революции.

Сближение взглядов левых эсеров и большевиков наметилось еще в предоктябрьский период, что было обусловлено совпадением тактических лозунгов: «Власть — Советам, землю — крестьянам, мир — народам!». Во многом были сходны и программные требования. По признанию одного из лидеров ПЛСР А.М. Устинова: «В программе у нас

разногласий нет»¹. Он считал сотрудничество с большевиками залогом успешного решения задач революции, прекращения войны, передачи земли крестьянам, созыва Учредительного собрания, защиты республики и демократических свобод. Эти позиции левые эсеры отстаивали на Демократическом совещании, состоявшемся в сентябре 1917 г. в Петрограде. М.А. Спиридонова в своей речи осудила коалицию с кадетами, по вопросу о власти заявила: «Долой коалицию и да здравствует власть народа и революции!»².

В начале октября, когда большевики приняли решение покинуть Временный Совет Российской республики (Предпарламент), они попытались склонить к этому шагу левых эсеров. 6 октября состоялись переговоры Л.Б. Каменева и Л.Д. Троцкого с Б.Н. Камковым, М.А. Натансоном и А.А. Шрейдером. Большевики информировали о намерении уйти из Предпарламента и предложили левым эсерам присоединиться к ним. Хотя левые эсеры остались в Предпарламенте, Натансон обещал «полную поддержку большевикам в случае революционного выступления вне его стен»³.

В.И. Ленин, прогнозируя новую ситуацию в сентябре 1917 г., полагал, что сторонники М.А. Спиридоновой поддержат восстание. И не ошибся. 12 октября в Петрограде был создан Военно-революционный комитет, на практике превратившийся в штаб по подготовке восстания. В него вошли, наряду с большевиками, левые эсеры В.А. Алгасов, Г.Д. Закс, М.А. Левин, Г.Н. Сухарьков, А.М. Устинов и В.И. Юдзентович. Первым председателем ВРК стал левый эсер П.Е. Лазимир (руководитель солдатской секции Петросовета)⁴. Левые эсеры участвовали и в деятельности ряда местных ВРК. По данным Г.А. Трукана, из 41 ВРК, созданных в Центральном районе страны, в 37 большевики и левые эсеры действовали совместно⁵.

Вместе с тем, подготовка вооруженного восстания выявила серьезные тактические расхождения между левыми эсерами и большевиками. Лидеры левых эсеров выступили против захвата власти до II съезда Советов. Камков заявил, что этот шаг разведет советские партии по разные стороны баррикад и ввергнет страну в гражданскую войну⁶. Его поддерживали Карелин, Прошьян и др. Однако Натансон, используя свой авторитет, настоял на том, чтобы левые эсеры остались в Петроградском ВРК и продолжали сотрудничество с большевиками⁷.

Другим пунктом разногласий стал вопрос о принципах формирования нового правительства. На II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов левые эсеры настаивали на формировании правительства из всех социалистических партий, т.е. «однородного социалистического правительства»⁸. Карелин, выступая 25 октября на заседании эсеров-делегатов II съезда Советов, изложил позицию левых

эсеров: «Изоляция большевиков гибельна. Наша основная идея — создание демократического органа власти. Мы играем сейчас роль примирителей, и терять эту роль нельзя. Мы должны предложить большевикам сформировать блок революционной демократии, и в этот блок мы войдем»⁹. Линию на соглашение с умеренными демократическими силами отстаивал Камков¹⁰.

Ленин и Троцкий категорически отвергли это предложение. Вместе с тем, реально оценивая ситуацию и сознавая, что силами одной партии едва ли удастся удержать власть, они предложили левым эсерам войти в состав правительства. По свидетельству Н.К. Крупской, за «пару часов» до открытия съезда В.И. Ленин встречался с М.А. Спиридоновой и другими представителями левых эсеров и попытался убедить их войти в правительство, однако желаемого результата не достиг¹¹. 26 октября Камков, Карелин и Спиро отказались от участия в Совнарком, поскольку считали, что вхождение «одного или двух левых эсеров в чисто большевистскую власть не поможет делу» и косвенно превратит их в виновников начавшейся «гражданской войны»¹². Алгасов назвал этот шаг «политической ошибкой»¹³.

Последнюю попытку сформировать однородное социалистическое правительство левые эсеры предприняли во время переговоров с Викжелем (Всероссийским исполнительным комитетом профсоюза железнодорожников). Но они изначально были обречены на провал, поскольку вожди РСДРП(б) не хотели делить завоеванную власть с другими партиями. В свою очередь, жесткая позиция на переговорах меньшевиков и эсеров, настаивающих на формировании правительства без участия Ленина и Троцкого, не нашла сторонников среди левых эсеров. Они считали, что удаление лидеров большевистской партии приведет к падению самого социалистического правительства, а с падением большевиков, по мнению левых эсеров, могли быть «подавлены все левые организации»¹⁴.

Чем сложнее шли переговоры, тем явственнее ощущалось стремление левых эсеров войти в Совнарком. Этому способствовало еще одно немаловажное обстоятельство. В начале ноября ЦК ПСР исключил из партии левых эсеров. Участие в Октябрьском перевороте и позиция, занятая левыми эсерами на переговорах с Викжелем, окончательно развели оба крыла эсеровской партии по разные стороны баррикад.

19 ноября 1917 г. состоялся I съезд ПЛСР, который открыл новую страницу в ее истории. Несколькими днями раньше большевики и левые эсеры официально оформили свой послеоктябрьский союз. Произошло это 15 ноября 1917 г. на совместном заседании ВЦИКа Совета рабочих

и солдатских депутатов, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского чрезвычайного крестьянского съезда, провозгласивших создание коалиции. Был образован единый Всероссийский центральный исполнительный комитет¹⁵. 17 ноября левые эсеры дали принципиальное согласие на вхождение в Совнарком и ввод своих представителей во все коллегии при СНК.

Натансон, выступая на I съезде ПЛСР, так объяснил позицию своей партии: «Почему мы можем быть с большевиками? Потому что... сходимся с ними ...Мы признаем, что вступили в фазу социальной революции, т.е. все, что мы можем смести в буржуазном обществе, — все сметем, что будет в наших силах, что мы будем действовать именем Советов, именем трудового народа»¹⁶. Действительно, заявление левых эсеров было созвучно большевистскому лозунгу: «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...», и является дополнительным подтверждением того, что на новом историческом этапе русской революции большевики обрели в лице левых эсеров верных союзников. Отныне становление Советского государства, деятельность правительства будут освящены именами двух революционных партий. Левая эсерка А. Измайлович позднее не без гордости заметила: «В октябре знамя революции несли две истинно социалистические партии — большевики и левые эсеры»¹⁷.

С первых дней революции партия левых эсеров стремилась реально участвовать в законотворческой деятельности нового государства. В. Левин заявил: «Мы желаем, чтобы удельный вес и нашей группы, составляющей значительное меньшинство ВЦИК, отпечатался бы на законопроектах правительства, ответственного перед этим органа»¹⁸. Но желания левых эсеров не всегда совпадали с планами большевиков.

В начале ноября между ПЛСР и РСДРП(б) возникли разногласия вследствие порочной практики, сложившейся в деятельности СНК. Левые эсеры подняли вопрос о том, что большевистский Совнарком издает декреты без санкции ВЦИКа¹⁹. СНК был исполнительным органом при ВЦИКе, следовательно, ни один декрет или законодательный акт, как считали левые эсеры, не мог быть издан без его ведома.

Касалось это и Декрета о печати от 27 октября, согласно которому СНК фактически предоставил себе право закрывать любые газеты²⁰. Это постановление вызвало волну негодования среди оппозиции. Даже левые эсеры Колегаев, Карелин, Камков и др. резко осудили его, а Прошьян указал, что закон о печати ведет на путь политического террора и гражданской войны, поэтому в знак протеста ПЛСР отзывает своих представителей из ВРК и со всех ответственных постов²¹.

4 ноября левые эсеры Карелин, Спиро, Шрейдер, Прошьян, Закс и др. отправили запрос в Совнарком и потребовали дать ответ: «намерено ли правительство отказаться от установленного им совершенно недопустимого порядка — декретирования законов?»²² Но не все были настроены столь решительно. Алгасов, горячий сторонник союза с большевиками, высказался против того, «чтобы по таким ничтожным поводам предъявлять ультиматум»²³.

Большевики вынуждены были, хотя бы на словах, уступить. В итоге левые эсеры добились разграничения власти законодательной (для ВЦИК) и исполнительной (для СНК). Они разработали «Наказ о взаимоотношениях ВЦИК и СНК» и «Решение об изменении состава СНК», которые были приняты на XII заседании ВЦИК 17 ноября. «Это была крупная победа в позиции, занятой левыми эсерами», — заявил один из лидеров ПЛСР Б.Д. Камков²⁴. Большевистское правительство было поставлено под контроль ВЦИКа, куда входили представители всех социалистических партий. Вместе с тем, согласно постановлению, СНК мог проводить «мероприятия по борьбе с контрреволюцией непосредственно, но под условием ответственности перед ЦИК»²⁵. Следовательно, ВЦИК подтвердил законодательные полномочия правительства. По данным И.А. Исаева, с октября 1917 г. по июль 1918 г. ВЦИК принял более 100 декретов, постановлений и др. актов. За этот же период СНК принял около 600 правовых актов²⁶. Позднее это положение было закреплено в Конституции РСФСР.

Влияние левых эсеров росло, особенно во ВЦИКе. Обладая тремя мандатами в законодательном органе, левые эсеры получили пропорциональное количество мест в Президиуме ВЦИК, в его постоянных комиссиях. Руководство отделами — важнейшими рабочими органами ВЦИК — разделили представители РСДРП(б) и ПЛСР. Так, Иногородный отдел возглавили Свердлов и Алгасов, Агитационный — Володарский и Каховская, по национальному вопросу — Урицкий и Прошьян²⁷.

До вхождения в состав правительства деятельность левых эсеров в законодательной области, кроме двух вышеназванных документов, выражалась в форме поправок. В частности, 19 ноября 1917 года при обсуждении декрета «О праве отзыва депутатов» была принята поправка В.А. Карелина, касающаяся продления срока деятельности депутата «до момента вступления в должность нового народного избранника»²⁸.

В начале декабря 1917 года была достигнута договоренность между СНК и ЦК партии левых эсеров о вхождении ее семи представителей в правительство. А.Л. Колегаев, утвержденный ВЦИК 24 ноября, остался наркомом земледелия; И.З. Штейнберг стал наркомом юстиции;

П.П. Прошьян занял пост наркома почт и телеграфов; В.Е. Трутовский и В.А. Карелин возглавили два новых комиссариата — по местному самоуправлению и имуществ Российской республики; В.А. Алгасов и А.И. Бриллиантов в качестве наркомов без портфелей были введены с правом решающего голоса в коллегию наркомата внутренних дел и наркомфин²⁹. Официально эти назначения были утверждены на заседании ВЦИК 12 декабря. Т.о., фракция левых эсеров в Совнаркоме получила треть голосов, что соответствовало раскладу партийных сил во ВЦИК.

С вхождением в состав правительства левые эсеры получили реальную возможность непосредственно участвовать в издании декретов. Особая роль принадлежала в СНК Прошьяну. Он являлся автором нескольких декретов, имеющих отношение к Наркомату почт и телеграфа, участвовал в разработке декрета об организации РККА и Договора между Российской и Финляндской республиками, в процессе подготовки договора выезжал в Финляндию, 16 января докладывал Совнаркому о результатах своей миссии. Много внимания уделял П.П. Прошьян нормализации работы связи, повышению заработной платы низшим категориям служащих своей отрасли. 20 февраля 1918 г. он был избран во временный Исполнительный Комитет СНК, которому в напряженной обстановке начавшегося наступления австро-германских войск поручалось «вести всю текущую работу между заседаниями СНК на началах ответственности перед ним». В Комитет также вошли Ленин, Сталин, Троцкий, Карелин. 4 марта декретом Совнаркома Прошьян был назначен политическим комиссаром в Высший Военный Совет — орган стратегического руководства вооруженными силами Советской республики. На заседаниях СНК он стремился к конструктивной работе с большевиками. Ленин, вспоминая совместную с ним работу, писал, что в группе наркомов левых эсеров Прошьян «выделялся сразу глубокой преданностью революций и социализму», что в правительстве нередко «становился решительно на сторону большевиков-коммунистов против своих коллег, левых социалистов-революционеров...». Позиции Прошьяна разделяли Алгасов и Колегаев.

Гораздо труднее складывались отношения с Карелиным, Штейнбергом и Трутовским. Карелин выполнял обязанности наркома неохотно, лишь по настоянию ЦК ПЛСР, и с таким расчетом, чтобы «они не мешали партийной работе». В заседаниях СНК участвовал реже, чем остальные левые эсеры, но неизменно выступал оппонентом большевиков в дискуссиях по вопросам карательной политики Советской власти, компетенции ВЧК, Наркомюста, и был противником крайних мер и внесудебных преследований. Более всех левых эсеров в создании декретов, касающихся конфискации средств производства, был задействован нар-

ком по местному самоуправлению В. Трутовский. В подготовке декретов по правовому регулированию экономики и национализации промышленности, транспорта, финансов, приняли участие И. Штейнберг, П. Прошьян, В. Алгасов. А. Колегаев и И. Штейнберг занимались вопросами, связанными напрямую с деятельностью их наркоматов. Общей чертой в характеристике декретов наркоматов земледелия и юстиции являлось стремление дать больше свободы инициативе на местах.

Одним из самых острых вопросов, стоявших перед новой властью, был вопрос о земле. На протяжении почти всей своей многовековой истории Россия была страной крестьянской. В начале XX в. крестьянство составляло 4/5 населения страны.

В первые дни Октябрьского переворота левые эсеры с тревогой отмечали, что опасность реставрации не устранена, поскольку большевики не имеют влияния в деревне, а «крестьянство, — по образному выражению Камкова, — это пехота революции, без которой революция должна погибнуть»³¹. Учитывая этот бесспорный факт, большевики пошли на компромисс и на II съезде Советов достигли договоренности с левыми эсерами по аграрному вопросу. Декрет о земле во многом повторял эсеровскую аграрную программу и включал 242 крестьянских наказа. Декрет предусматривал безвозмездное изъятие земли у помещиков, ликвидацию частной собственности на землю и ее уравнительный раздел между крестьянами по трудовой и потребительской норме³². Левый эсер Устинов подчеркнул, что Декрет о земле — «это целиком наша программа»³³. Этот успех был первой крупной победой левых эсеров.

Теперь предстояло выработать аграрное законодательство и добиться правового регулирования земельных отношений. В.И. Ленин признавал: чтобы иметь опору среди крестьянства, РСДРП(б) должна пойти на уступки левым эсерам. В декабре 1917 г. он заявил, что большевики обязаны будут дать левым эсерам возможность осуществить их аграрную программу и воздержаться в СНК при голосовании по аграрным вопросам³⁴. Однако в решении этой задачи большевики «не только не помогли, но весьма и весьма помешали» левым эсерам, считал Б.Д. Камков³⁵. Голый лозунг «берите землю» содействовал порой гражданской войне в рядах самого трудового крестьянства. Для преодоления последствий этой политики большевиков нужны были срочные меры. Еще до официального утверждения Совнаркомом и ВЦИК А.Л. Колегаев явился с избранной на Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов коллегией наркомата в бывшее министерство земледелия, и в час дня состоялось ее первое заседание³⁶. Коллегия создала две комиссии: по выработке положения о земельных комитетах и по выработке инструкций земельным комитетам. 21 и 22 ноября комиссии

работали над этими документами. 23 ноября А.Л. Колегаев издает приказ по Наркомзему, в котором объявляет о вступлении в должность. 25 ноября, после утверждения Колегаева на этом посту Совнаркомом, за подписью наркома земледелия выходит телеграмма, где подтверждаются главные положения декрета «О земле». Декрет лишь в принципиальных чертах определял суть предстоящих преобразований. Столкнувшись с явлением саботажа в старом министерстве, Колегаев 29 ноября издал приказ об увольнении товарища министра земледелия Н.И. Ракитникова. В тот же день без мотивировки был уволен и другой товарищ министра — А.В. Чаянов³⁷. Позже (19 декабря) был смнен и Главный земельный комитет. 4 декабря Наркомзем издает положение «О земельных комитетах и об урегулировании ими сельскохозяйственных отношений». По данному положению, «все земли делились на две категории. В первую входили земли под специальные культуры и земли промышленного значения. Во вторую — земли, не имеющие такового значения и подлежащие распределению между населением в уравнительно-трудовое пользование»³⁸. Т.е. намечено было деление земли на имеющую и неимеющую сельскохозяйственный характер. В данном вопросе оказывал содействие левый эсер В.Е. Трутовский, возглавивший Наркомвнудел. 16 декабря Совнарком рассмотрел и утвердил проект Трутовского о запрете сделок с недвижимостью. В соответствии с декретом «приостанавливались сделки по покупке, продаже, залогу всех недвижимостей и земель в городах»³⁹.

Помимо подготовки аграрного законодательства и овладения аппаратом министерства земледелия, левые эсеры уделяли много внимания разъяснению аграрной политики крестьянским ходакам. Их принимали члены комиссии П.П. Костин и Г.М. Иващенко. В партии левых эсеров было два течения. Первое стремилось «принизить» закон о социализации земли «до понимания его середняком и крестьянином», и поэтому отстаивало индивидуальные формы хозяйства. Это течение представляли А.Л. Колегаев и И.А. Майоров. Второе течение, «считалось с процессом развития революции, хотело поднять понятие крестьянства до форм социализма и стояло за развитие коллективных форм хозяйства.» Эту линию отстаивали В.Е. Трутовский, А.М. Устинов, М.А. Натансон. В практическом отношении левые эсеры уделяли очень мало внимания коллективным формам хозяйства⁴⁰. В отношении устанавливаемой собственности на землю оставалась неясность, касающаяся ее характера. Левые эсеры в «Положении» и «Инструкции» трактовали собственность на землю как общенародное достояние. Большевики же отстаивали закрепление права на землю за государством. Данное различие являлось центральным в споре левых эсеров и большевиков при обсуждении проекта «Основного закона о социализации

земли». 19 пунктов проекта Колегаева были приняты без обсуждения. Далее закон поступил в секции для детальной проработки. Окончательная доработка текста закона была многоэтапной: помимо комиссий, закон обсуждался в партийных фракциях III съезда, в президиуме III съезда Советов, в межпартийной согласительной комиссии. Спор шел по поводу статьи 13, где большевикам хотелось увеличить меры исключительности вмешательства государства в хозяйственную жизнь деревни путем насаждения «культурных хозяйств». По настоянию большевиков, в законе были сняты все упоминания о земствах и земельных комитетах (статьи 6, 8, 9, 10, 11 и др.) Земельные комитеты как самостоятельные учреждения были распущены и заменены земельными отделами Советов. Большевики добились обеспечения за государством беспрепятственного пользования землей⁴¹.

19 февраля 1918 г. «Основной закон о социализации земли» был опубликован за подписями большевиков и левых эсеров (Свердлова, Зиновьева, Володарского, Колегаева, Спиридоновой, Камкова и др.). Ленин признал: «Мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую... Вот почему эта победа была так легка»⁴².

С принятием закона о социализации земли левые эсеры пытались наладить ведение земельной политики через обновленный Главземком, заседание которого впервые состоялось 14 февраля 1918 г. Но дальнейшие политические события сделали невозможным продолжить эти начинания. Нарком земледелия А.Л. Колегаев сложил свои полномочия позже всех членов партии левых эсеров, участвовавших в правительстве, — 24 марта 1918 г.

Принципиальные разногласия между левыми эсерами и большевиками возникли в разрешении проблемы войны и мира. Вопрос о Брестском мире стал одним из самых сложных и драматических в первый год пролетарской революции, поскольку он вызвал не только серьезный политический кризис в самой РСДРП(б), но и привел к глубокому расколу правительственную коалицию. В отечественной историографии сложилась устойчивая оценка позиций левых эсеров как принципиальных противников мира с Германией. На деле все обстояло значительно сложнее. Первоначально позиции большевиков и левых эсеров в вопросе мира совпадали. Обе партии выдвинули лозунг «общего перемирия на фронтах» и «начали вести переговоры с представителями всех воюющих стран о перемирии»⁴³. М.А. Спиридонова, лидер ПЛСР, первоначально поддерживала В.И. Ленина и выступала за подписание соглашения⁴⁴. «Мужик не хочет войны, — говорила она, — и примет какой угодно мир»⁴⁵. Л.Д. Троицкий вспоминал: «Левые эсеры вовсе не сразу выступили против Брест-Литовского мира. По крайней мере, Спиридонова

была в первое время решительной сторонницей подписания». «Подпишите сейчас же мир», — обращалась она к Л.Д. Троцкому после первого посещения Бреста⁴⁶. 8 декабря на заседании ВЦИК Мария Спиридонова заявила о «полном доверии», которое оказывают левые эсеры большевикам в деле ведения переговоров в Бресте⁴⁷.

Аналогичной позиции придерживались и другие лидеры левых эсеров. На I съезде ПЛСР, состоявшемся 27 ноября 1917 г., Б.Д. Камков потребовал «немедленного ликвидации войны»⁴⁸. В.А. Карелин отметил в начале января 1918 г. на Всероссийском съезде железнодорожников, что мирная политика «правительства комиссаров» встречает «единодушное одобрение и поддержку со стороны всех партий, стоящих на позиции советской власти»⁴⁹. Однако мотивация их мирной позиции была различной. Часть левых эсеров поддержала сторонников договора, т.к. не верила в близкое пришествие мировой революции. Другие, реально осознав угрозу сокрушения советской власти, не считали возможным ведение революционной войны, противостояние германской агрессии при отсутствии организованного фронта и полной деморализации старой армии.

Левые эсеры А.А. Биценко и С.Д. Масловский-Мстиславский вместе с большевиками А.А. Иоффе, Л.Б. Каменевым и Г.Я. Сокольниковым возглавили советскую делегацию в Брест-Литовске. Принц Макс Баденский пишет в своих мемуарах, что его кузен принц Эрнст Гогенлоэ, член германской делегации, был посажен за обедом рядом с мадам Биценко: «Она это заслужила, убив министра»⁵⁰.

Линию на подписание мирного договора левые эсеры проводили на III Всероссийском съезде Советов. Б.Д. Камков, выступивший от имени фракции в прениях по докладу о переговорах в Брест-Литовске, осудил позицию сторонников продолжения войны, которые «в данный момент русской революции на плечи взваливают непомерно тяжелое бремя». Он заявил, что разрешить проблему «мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов почти невозможно... Если на время нам придется сделать уступки, то это не наша вина»⁵¹.

В это время ПЛСР все более упрочивает свои позиции. В составе 306 членов ВЦИК, избранного III съездом Советов, было 160 большевиков и 125 левых эсеров. При Исполнительном комитете была создана Крестьянская секция, ее председателем стала М.А. Спиридонова. По данным К.В. Гусева, левые эсеры занимали сильные позиции в Советах северо-западных губерний, Центрально-Промышленной области, центрально-черноземных губерний. По состоянию на 14 марта 1918 г., из 310 уездных Советов 48 губерний в 95 большевики не имели большинства, а

в 31 большинство это не было прочным⁵². Чтобы провести через Совет свои резолюции, обе партии должны были блокироваться.

Этот период Л.Д. Троцкий назвал «медовыми неделями коалиции», а Ю. Фельштинский — «зенитом большевистско-левоэсеровского союза»⁵³. Лидеры ПЛСР заговорили о слиянии двух партий. В.И. Ленин вспоминал разговор с П.П. Прошьяном незадолго до Брестского мира о необходимости слияния в одну партию, поскольку «за время общей работы в Совнаркоме» «левые эсеры заметно и очень сильно сблизились». Вождь большевиков признавал: «Тогда казалось, что разногласий между нами сколько-нибудь существенных не осталось». Вместе с тем, он отнеся сдержанно к предложению Прошьяна, назвав его преждевременным, тем не менее, «сближения между ними на практической работе отнюдь не отрицал»⁵⁴. В этот период левые эсеры представляли для Ленина меньшую опасность, чем левые коммунисты внутри РСДРП(б). Заявления руководителей ПЛСР по вопросу о мире вселяли в Ленина надежду, что его точка зрения будет поддержана эсерами. Действительно, на состоявшемся 18 февраля объединенном заседании центральных комитетов РСДРП(б) и ПЛСР последняя проголосовала за принятие германских условий⁵⁵. Совместное постановление центральных комитетов считалось решением советского правительства⁵⁶.

19 февраля на объединенном заседании большевистской и левоэсеровской фракции ВЦИК с двухчасовой речью в защиту тезисов о подписании мира выступил В.И. Ленин. Неожиданно большинство членов ВЦИК высказалось против принятия германских условий мира. Протокол заседания не сохранился, но 20 февраля в газете «Социал-демократ» был опубликован отчет о заседании: «Большинство стояло на точке зрения, что русская революция выдержит испытание; решено сопротивляться до последней возможности»⁵⁷.

Аналогичная картина повторилась 23 февраля на совместном заседании ЦК РСДРП(б) и ЦК ПЛСР. Его протокол был утерян. Ю. Фельштинский склонен считать, что большинство левых эсеров поддержало Троцкого⁵⁸. Нарком юстиции И.З. Штейнберг писал по этому поводу: «Тогда не было в Советской республике ни одной социалистической партии, которая бы не одобрила в Бресте формулу Троцкого... В ЦИК ни одна рука не поднялась против резолюции, которая одобряла действия нашей делегации»⁵⁹. Это произошло в тот день, когда немцы предъявили России ультиматум.

Всю последнюю ночь шло заседание фракций ВЦИК. Наступил драматический момент: у левых эсеров произошел раскол в партии. Но, в отличие от большевиков, фракция в целом решает голосовать против Брестского

мира и обязывает сторонников Ленина воздержаться от голосования. В три часа утра 24 февраля открывается заседание ВЦИК. При голосовании ленинская резолюция собирает необходимое большинство голосов: за — 116, против — 85, воздержались 26 человек — левые эсеры, сторонники мира⁶⁰.

В чем причина столь стремительного поворота в политической тактике левых эсеров по вопросу о Брестском мире? Полагаем, что в основе разногласий в ПЛСР лежат те же причины, что привели к расколу большевистскую партию. Прежде всего, Брест-Литовский договор был «похабным» и унижительным для России. Подписывая его, правительство признало тяжелое поражение Советской республики в борьбе с международным империализмом. Во-вторых, как отмечала А.Измайлович в своей брошюре «Послеоктябрьские ошибки», «Брестский мирный договор противоречит всем началам интернационализма, мы его не подписываем и войны не ведем»⁶¹. Следовательно, левые эсеры по-прежнему сохраняли надежду на мировую революцию. Еще одну причину назвал И.З. Штейнберг в своей работе «Почему мы против Брест-Литовского мира?»: «Брест-Литовск, начав с капитуляции во вне, вынужден будет переходить к капитуляции внутренней, к сдаче позиций Октябрьской революции внутри страны»⁶².

В марте 1918 г. в Москве состоялся IV Чрезвычайный съезд Советов. Левые эсеры поддержали формулу Троцкого. При этом ЦК ПЛСР был более склонен к компромиссу с ленинским большинством, чем левозэсеровские низы. Поэтому ЦК левых эсеров большинством голосов выступил на съезде против ратификации Брестского договора. Несмотря на протесты левых эсеров и других партий, Брест-Литовский мирный договор был ратифицирован большинством в 784 голоса против 261 при 115 воздержавшихся. В знак протеста левые эсеры вышли из правительства⁶³. Это был первый серьезный разрыв между левыми эсерами и большевиками, который предопределил последующую тактику ПЛСР.

После ратификации Брест-Литовского договора левые эсеры продолжили резкую критику брестской политики. Появилась целая серия брошюр видных деятелей ПЛСР, посвященных этой проблеме. Измайлович считала, что ленинская передышка не дала Советской России «ни хлеба, ни мира, ни возможности продолжить социалистическое строительство»⁶⁴. Камков указал, что из-за подписания мира произошел «поворот от того прямого пути, которым так победоносно шла революция», что эта политика ведет не только к территориальным и экономическим потерям, но к гибели, поскольку германская армия «все глубже и глубже» проникает на территорию России и «власть буржуазии» уже восстановлена «больше, чем на одной трети федерации»⁶⁵. Штейнберг отметил, что надежды сторонников мира на «передышку», на «отдых» не

оправдались, т.к. «со всех сторон напирают на советскую Россию ее империалистические враги»⁶⁶.

Выход из сложившейся ситуации левые эсеры видели в общенародном восстании против оккупационных войск. Камков еще на IV Чрезвычайном съезде Советов заявил, что ЦК ПЛСР «сделает все от него зависящее, чтобы оказать вооруженное сопротивление на всех фронтах». Во второй половине марта 1918 г. руководители левозэсеровской партии Карелин, Камков, Штейнберг и др. отправились в составе так называемой «Южной делегации», имевшей целью агитацию за срыв Брестского мира, организацию боевых отрядов партии и укрепление влияния левых эсеров в казачьи районы Дона, Кубани и на Украину⁶⁷.

Вместе с тем, расхождения между левыми эсерами и большевиками, вызванные Брестским миром, носили тактический характер. Коллегаев писал в апреле 1918 года, что левые эсеры могут расходиться с большевиками «лишь тактически», идя вместе «во всех вопросах социальной революции, хотя бы и подчиняясь их большинству»⁶⁸. Поэтому не случайно многие члены ЦК ПЛСР считали ошибкой выход левых эсеров из Совнаркома. Состоявшийся во второй половине апреля II съезд левозэсеровской партии должен был окончательно разрешить внутрипартийные разногласия.

На съезде присутствовало 59 делегатов от 29 губернских партийных организаций, представлявших более 62,5 тысяч членов ПЛСР. При обсуждении вопроса о вхождении в правительство ряд членов ЦК выступил против выхода из СНК и разрыва с большевиками. Коллегаев сказал, что выходом из правительства левые эсеры ставят перед крестьянством вопрос: «отойти от власти или отойти от нас?» Он считал, что «трудовое крестьянство» предпочтет последнее⁶⁹.

Спиридонова в своем выступлении отметила, что антибрестская политика левых эсеров не привела к росту ее популярности, что уход от власти есть предательство крестьянства и «разрывать свою связь с большевиками — это значит подкосить Советскую власть»⁷⁰. Аналогичным было выступление Трутовского.

Несмотря на столь резкие выступления лидеров партии, большинством в пять голосов при пяти воздержавшихся II съезд ПЛСР проголосовал за выход из правительства. В знак протеста ряд левых эсеров, сторонников правительственной коалиции с большевиками, вышел из партии. А.М. Устинов заявил о выходе из состава ЦК и редакции «Знамя труда» из-за «принципиального расхождения по вопросам выхода из состава Совнаркома, о партизанской войне на фронте, а также по вопросу об отношении ЦК партии к ратификации мирного договора»⁷¹. Местные левозэсеровские орга-

низации также неоднозначно восприняли это постановление. Так, левые эсеры Пензы считали решение о выходе из правительства ошибочным и призвали созвать III съезд ПЛСР для его пересмотра⁷².

Однако следует признать, что резолюция II съезда оставляла поле для совместной деятельности левых эсеров и большевиков. Левые эсеры, согласно постановлению, имели право остаться «во всех учреждениях и коллегиях комиссариатов и других органов» и «активным участием во всех советских учреждениях... выпрямить общую линию советской политики». При этом подчеркивалось, что, «в случае политической конъюнктуры», левые эсеры могли «принять участие в центральной власти»⁷³.

В начале мая 1918 г. Спиридонова и Карелин от имени ЦК ПЛСР обратились к большевикам с предложением передать левым эсерам комиссариат земледелия. Ленин после недолгого совещания с членами коллегии наркомзема дал отрицательный ответ. Он считал соображения левых эсеров «неосновательными... предложение неприемлемым». В тот же день, 3 мая, ЦК РКП(б) отклонил «притязания левых эсеров на передачу им комиссариата земледелия»⁷⁴. Такой ответ большевиков на предложение левых эсеров, еще недавно возглавлявших наркомат земледелия и добровольно оставивших его, не являлся случайным и не был позой обидевшейся власти. Это свидетельствовало о кардинальной смене большевиками аграрного курса и начале «крестового похода» против деревни. Ярким подтверждением тому стала серия майско-июньских законодательств о введении продовольственной диктатуры и организации комитетов бедноты⁷⁵.

9 мая, во время обсуждения на пленуме ВЦИК «Декрета о продовольствии», Карелин с тревогой отметил, что закон «изобилует чрезвычайно рискованными рецептами, чрезвычайно рискованными экспериментами... которые в деревне могут при неосторожности вызвать эксцессы, поножовщину... а хлеба мы не получим»⁷⁶. Левые эсеры решительно осудили политику СНК. Они считали, что продотряды «только губят продовольственное дело... поднимают трудовое крестьянство против Советов, а комбеды (по образному выражению Камкова, «комитет деревенских лодырей») — «лучшее средство в корне подорвать Советскую власть». При этом Камков откровенно заявил большевикам, «что не только ваши отряды, но и ваши комитеты бедноты мы выбросим вон»⁷⁷.

Продовольственную диктатуру левые эсеры тесно увязывали с последствиями Брестской политики. Вот почему в мае—июне они предприняли решительные шаги по срыву мирного договора. В первой половине мая ЦК ПЛСР, руководимый Камковым, формирует Центральный отдел боевых дружин и партизанских отрядов, созывает совещание левых эсеров—военных специалистов и комплектует группу для проведения террористических

актов против руководителей германской армии. Особое внимание было уделено участию левых эсеров в правительстве Украины — «повстанческой девятке» (весной—летом 1918 г. Карелин в качестве кандидата входил в правительство Советской Украины), союзу с украинскими левыми эсерами. В июне левые эсеры начали подготовку Крестьянского съезда для защиты хлеборобов от произвола большевиков⁷⁸.

24 июня ЦК партии левых эсеров принял постановление, в котором содержался призыв: положить конец мирной передышке путем ряда террористических актов и восстания рабочих и крестьян против оккупантов⁷⁹. П.П. Прошьян, один из самых последовательных сторонников большевиков, заявил: «Когда мы говорим: «Срыв Бреста» — это не только теория, это — право, которое мы берем на себя»⁸⁰.

Левые эсеры, оставаясь вне правительства, продолжали взаимодействовать с большевиками. Что касается РКП(б), то она не могла не считаться с такой влиятельной силой, особенно среди крестьянства. В конце апреля 1918 г. Ленин признал, что в лице левых эсеров большевики имеют «оппозицию очередным и текущим задачам момента», причем ее участники не отказываются в принципиальной согласии с нами... поддерживают нас по более существенным вопросам, чем те, по которым критикуют»; это «оппозиция, соединенная с поддержкой»⁸¹. Такое признание предопределило участие левых эсеров в создании Конституции Советского государства. Конституция призвана была не только создать правовую базу для последующего законодательства, но и закрепить новую систему общественных отношений, зафиксировать реальные механизмы власти и государственные структуры, которые стихийно складывались в ходе первых месяцев революционного созидания. Об этом шла речь в отчете о работе комиссии на V съезде Советов, где было сказано, что Конституция «осуществилась на практике задолго до того, как была написана на бумаге»⁸².

Создание первой Советской Конституции прошло три этапа. Конституционный процесс, начатый большевиками и левыми эсерами с принятием первых декретов на II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, был продолжен на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 года. Съезд принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой были зафиксированы все произошедшие в стране с 25 октября 1917 г. изменения⁸³. На этом съезде завершилось объединение Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в единую государственную систему.

После разгона Учредительного собрания (при активной поддержке левых эсеров 6 января 1918 года ВЦИК принял декрет о его роспус-

ке) Всероссийский съезд Советов стал единственным высшим органом власти в стране, в промежутках между съездами — ВЦИК, который избирался на Всероссийском съезде Советов. Исполнительная власть была закреплена за Советом Народных Комиссаров. Эти положения нашли отражение в постановлении съезда «О федеральных учреждениях Российской Республики»; из 900 делегатов лишь 24 голосовали против этой резолюции и трое воздержались. Первый пункт постановления провозгласил: «Российская социалистическая советская республика учреждается на основе добровольного союза народов России, как федерация советских республик этих народов»⁸⁴.

III Всероссийский съезд Советов поручил ВЦИКу составить проект «основных положений конституции Российской Федеративной Республики». Комиссия по выработке первой Советской Конституции была избрана на заседании ВЦИК 1 апреля 1918 г. В нее вошли представители от коммунистической фракции ВЦИК (Я.М. Свердлов — председатель, М.Н. Покровский, И.В. Сталин), от фракции левых эсеров (Д.А. Магеровский, А.А. Шрейдер), от максималистов (А.И. Бердников, с правом совещательного голоса), а также от наркоматов (В.А. Аванесов, Д.П. Боголепов, Н.И. Бухарин, М.Я. Лацис, М.А. Рейснер, Э.М. Склянский)⁸⁵.

Работа над проектом Конституции шла в острой борьбе. Столкновение взглядов происходило по трем направлениям: противоборство между теми, кто пытался ослабить власть государства, и теми, кто пытался ее усилить; между теми, кто желал рассредоточения власти и развития инициативы местных властей, и теми, кто желал концентрации власти и системы подчинения единому центру; между теми, кто добивался федерализма действенного, и теми, кто под любым прикрытием стремился установить «единую и неделимую» республику. Левые эсеры входили в первую группу, причем ярким представителем этой группы был Рейснер, работавший в наркомате юстиции. Их взгляды на конституционное строительство расходились в частности и деталях, но в главном и принципиальном они чаще совпадали⁸⁶.

Несмотря на то, что национально-территориальный принцип нашел свое юридическое выражение в первых важнейших актах Советского государства, — в Декларации прав народов России, в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, в резолюции III Всероссийского съезда Советов «О федеральных учреждениях Российской республики, — в ходе работы над проектом Конституции возник спор о применимости этого принципа.

Левые эсеры проявляли недоверие к государству и противодействие буржуазному парламентаризму. Они подвергли сильнейшим напад-

кам концепцию мощного Советского государства. Трутовский, выступая на заседании ВЦИК, где была утверждена комиссия по выработке проекта Конституции, доказывал, что Конституция — понятие буржуазное, что социалистическое государство только как определенный «центр регулирует отношения производственные и хозяйственные» и что задача комиссии — разработать проект «не конституции, а взаимоотношений, которые должны существовать между различными органами власти, поскольку мы можем говорить о власти над людьми»⁸⁷.

Левые эсеры предполагали ввести административно-территориальный принцип государственного устройства, рассматривая национально-государственное разделение как анахронизм и «буржуазный пережиток». Предлагалось предоставлять каждому субъекту федерации самые широкие права по самоопределению и управлению своей территорией. Шрейдер считал, что другие губернии, уезды, волости могут стать возможными членами федерации⁸⁸. Это предложение могло показаться абсурдным. Но реальная действительность была такова, «когда любой местный Совет создает самостоятельную республику». Ленин назвал это «болезнью роста» и «вполне естественным явлением при переходе от царской России к России объединенных советских организаций»⁸⁹.

В ходе работы над проектом Конституции левые эсеры отстаивали идею рассредоточения власти и развития инициативы местных органов. С.Д. Мстиславский писал: «Советская система имеет по сравнению с другими особую ценность, так как в основу ее положены принципы предельной децентрализации, ограниченности «передоверия» и ограничения круга непосредственных участников в конструкции власти — лишь активно государственными, т.е. трудовыми элементами»⁹⁰.

На III съезде Советов левые эсеры добились того, чтобы этот принцип был заложен в постановление «Об основных положениях конституции РСФСР». Они предложили внести пункт, который гласил: «Все местные дела решаются исключительно местными Советами. За местными советами признается регулирование отношений между низшими Советами и решение возникающих между ними разногласий» За центральными властями был оставлен контроль за соблюдением «основ федерации», а также проведение «мероприятий, осуществляемых лишь в общегосударственном масштабе»⁹¹.

Однако в первые недели и месяцы революции легче было подготовить и издать такой декрет, чем обеспечить его соблюдение. В первой половине 1918 г., когда разрабатывалась Конституция РСФСР, признаки общего упадка и рассредоточения власти наблюдались по всей России. Левые эсеры отмечали, что «Советы не только не перешли на органичную

местную жизнь, организующую деловую работу, но стали приобретать характер тех самых «парламентов», которым они в идее противопоставлены». Декреты остаются «на бумаге», т.к. «отрыв администрации от местного населения», который является естественным следствием централизации и «возвышения комиссаров», исключил возможность «творческой, созидательной самостоятельности на местах»⁹². Левые эсеры предлагали ликвидировать нижние звенья этой системы (в деревнях и селах) и заменить их сельскими сходами. Местные советы предполагалось преобразовать в муниципальные органы, лишив их политических функций⁹³.

Противниками центральной государственной власти левые эсеры были и потому, что желание удержать большевиками власть «расщепило государство и классы в политической жизни России». Поэтому так настойчиво они вели борьбу с деградацией Советов и эволюцией «комиссарства»⁹⁴. Левые эсеры считали, что главной задачей Конституции должно стать законодательное закрепление диктатуры «трудового народа», объединенного в Советы. Д.А. Магеровский и А.А. Шрейдер выступили против закрепления в Конституции диктатуры пролетариата, на чем настаивал Сталин. Он подчеркивал, что вырабатываемый «в настоящее время Комиссией план конституции должен быть временный, рассчитанный на период переходный от буржуазного строя к социалистическому», и что следует поэтому учесть «вопросы о диктатуре пролетариата и деревенской бедноты» для «полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворении социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти»⁹⁵.

В период составления проекта Конституции левые эсеры вновь подвергли критике законодательную деятельность СНК. Первая половина 1918 г., по свидетельству современника, была «временем очень заметной ломки центральных государственных учреждений, в частности и в особенности — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров», и что «взаимоотношение этих двух высших учреждений не без некоторой внутренней борьбы склонялось к фактическому преобладанию Совета Народных Комиссаров в делах внутренней и внешней политики»⁹⁶. Пока левые эсеры входили в правительство, они оказывали заметное влияние на принимаемые декреты и постановления.

Ситуация резко изменилась в связи с выходом левых эсеров из правительства. М.А. Спиридонова, выступая на V съезде Советов с отчетным докладом о работе Крестьянской секции, отметила, что «сначала мы работали рука об руку с большевиками, часто делая уступки в партийных вопросах... чтобы не было разногласий». Но после расхождений

по Брестскому договору «начинаются совершенно другие условия работы... Нашей секции не давали проводить ее проектов. Ей старались устроить всяческие препятствия...». Спиридонова заявила, что стоит «вопрос об уничтожении Крестьянской секции»⁹⁷.

Член Конституционной комиссии большевик М.И. Лацис высказался за слияние ВЦИКа и СНК. Но в условиях нарастающего противоборства между большевиками и оппозицией это предложение не нашло поддержки. Текст Конституции по существу отразил имевшиеся во власти противоречия.

Статья 31 сделала ВЦИК «высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР», а статья 32 обязала его задавать «общее направление деятельности Рабоче-Крестьянского Правительства и всех органов Советской власти в стране». Согласно статьям 37 и 38, Совнаркому «принадлежит общее управление делами РСФСР», он «издает декреты, распоряжения, инструкции и вообще принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни». По статьям 40 и 41 все решения «должны были представляться во ВЦИК «на рассмотрение и утверждение», а за ВЦИКом сохранялось право «отменить или приостановить» любое распоряжение Совнаркома. Но в «Примечании» была сделана оговорка, что «мероприятия, требующие неотложного выполнения, могут быть осуществлены Советом Народных Комиссаров непосредственно»⁹⁸.

Фактически Конституция ничего не изменила в сложившейся практике отношений между ВЦИКом и СНК. Как видно из текста, оба органа являлись и законодательными и исполнительными. Назревание кризиса в стране и усиление централизации способствовали выдвижению на первый план Совнаркома.

Что касается итогов работы ПЛСР в Конституционной комиссии, то с сожалением надо признать, что предложения, выработанные левыми эсерами по подготовке первой советской Конституции, были отвергнуты и не вошли в окончательный вариант. Был утвержден большевистский проект «основных начал» Конституции РСФСР. Решающую роль в этом сыграла созданная менее чем за две недели до принятия, т.е. 28 июня, комиссия ЦК РКП(б) во главе с В.И. Лениным. Она разработала, дополнила и исправила ряд основных глав и статей Конституции (о ВЦИК и СНК, о выборах, об основных правах и обязанностях граждан и др.) По предложению Ленина первый раздел Конституции составила Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. 10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов принял Конституцию РСФСР⁹⁹. При-

мечательно то, что за неделю до этого, 3 июля, она была представлена на утверждение ЦК РКП(б).

Конституция РСФСР стала последней вехой в созидательной деятельности левых эсеров по становлению советской государственности. В ней как в зеркале отразились сложные политические, социально-экономические процессы, которые сопровождали рождение нового государства. Значительна роль и велика ответственность ПЛСР в инициировании и политико-правовом регулировании этих процессов. Достаточно напомнить, что левые эсеры помогли большевикам захватить и удержать власть, уничтожить непримиримую оппозицию и нейтрализовать умеренную, разогнать Учредительное собрание, содействовали проникновению большевиков в Советы. В декретах, входящих в первый том «Дekretов Советской власти», за небольшим исключением, подписи левых эсеров стоят рядом с большевистскими и «уравновешивают» их. Из-за «сухого» языка декретов представляется сложным выяснение авторства. Однако о достаточно высокой степени активности участия партии левых эсеров в законотворческой деятельности свидетельствует тот факт, что до 9 марта 1918 г. включительно они продолжали работу. К тому же из семи левых эсеров, входивших в Совнарком, шесть являлись членами ЦК ПЛСР.

Пройдя короткий, но сложный и противоречивый путь с большевиками, левые эсеры от поддержки и согласия перешли к отрицанию и жесткому противостоянию. По собственному признанию, «свои действия» они рассматривали «как борьбу против настоящей политики Совета Народных Комиссаров и ни в коем случае как борьбу против большевиков»¹⁰⁰. Иное дело большевики. Ленин, выступая на V съезде Советов, подчеркнул, что между РКП(б) и ПЛСР теперь происходит «не ссора», а «действительный и бесповоротный разрыв»¹⁰¹. Последней точкой в этой истории стал левоэсеровский мятеж 6 июля 1918 года, после которого ПЛСР была изгнана из Советов и объявлена вне закона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Знамя труда. 1917. 11 нояб.

² См.: Безбрежьев С.В. М.А. Спиридонова // Россия на рубеже веков: Ист. портреты. М., 1991. С. 342.

³ Штейнберг И.З. От Февраля по Октябрь 1917 г. Берлин; Милан, б.г. С. 115; Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973. С. 407.

⁴ Петроградский Военно-революционный комитет: Док-ты и мат-лы. М., 1967. Т. 3. С. 663—664.

⁵ Трухан Г.А. Октябрь в Центральной России. М., 1962. С. 319.

- ⁶ Знамя труда. 1917. 15 окт.
- ⁷ РЦХИДНИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 377. Л. 38.
- ⁸ Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928. С. 43—44.
- ¹⁰ Дело народа. 1917. 27 окт.
- ¹¹ См.: *Крунская Н.К.* Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1957. С. 319.
- ¹² Протоколы Первого съезда партии левых социалистов — революционеров. М., 1918. С. 43.
- ¹³ Там же. С. 60.
- ¹⁴ Там же. С. 14.
- ¹⁵ Протокол заседаний ВЦИК рабочих, солдатских, крестьянских и каз[ачьих] депутатов II созыва. М, 1918. С. 65.
- ¹⁶ Протоколы Первого съезда ... С. 21—23.
- ¹⁷ *Измайлович А.* Послеоктябрьские ошибки. М., 1918. С. 10.
- ¹⁸ Протоколы заседаний ВЦИК... С. 30.
- ¹⁹ Там же. С. 26—27.
- ²⁰ Записки института Ленина. М., 1927. Т. 1. С. 89—90.
- ²¹ Протоколы заседаний ВЦИК... С. 28.
- ²² Там же.
- ²³ Протоколы Первого съезда ... С. 59.
- ²⁴ Там же. С. 46.
- ²⁵ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 102—103.
- ²⁶ *Исаев И.А.* История государства и права России. М., 1994. С. 280.
- ²⁷ *Овруцкий Л., Разгон А.* Пасынки революции//Родина. 1990. № 3. С. 68.
- ²⁸ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 92.
- ²⁹ *Гусев К.В.* Крах партии левых эсеров. М., 1963. С. 107—108.
- ³⁰ Правда 1918. 20 дек.; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 384; Политические деятели России. 1917: Энциклопедич. словарь. М., 1993. С. 263—265.
- ³¹ Дело народа. 1917. 27 окт.
- ³² Второй Всероссийский съезд Советов... С. 75.
- ³³ Знамя труда. 1917. 11 нояб.
- ³⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 103.
- ³⁵ Политическая история Отечества в документах и материалах (март 1917—1945). Пенза, 1991. С. 41—42.
- ³⁶ Первое Советское правительство. Октябрь 1917 — июль 1918. М., 1991. С. 284.
- ³⁷ Там же. С. 285.
- ³⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства. Пг., 1918. № 7. Ст. 105.
- ³⁹ *Журавлев В.В.* Декреты Советской власти 1917 — 1920 гг. как исторический источник. М., 1979. С. 334.
- ⁴⁰ Первое Советское правительство ... С. 289.
- ⁴¹ Третий Всероссийский съезд Советов. Пг., 1918. С. 86.
- ⁴² Собрание узаконений... Ст. 346, 436.
- ⁴³ *Измайлович А.* Послеоктябрьские ошибки. С. 11.
- ⁴⁴ Там же. С. 12.
- ⁴⁵ *Троцкий Л.Д.* О Ленине: Мат-лы к биографии. М. 1924. С. 84.
- ⁴⁶ Там же. С. 84.

- ⁴⁷ Протоколы заседаний ВЦИК ... М., 1918. С. 125.
- ⁴⁸ Протоколы Первого съезда ... М., 1918. С. 90.
- ⁴⁹ Знамя труда. 1918. 3 янв.
- ⁵⁰ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 1995. С. 49.
- ⁵¹ Третий Всероссийский съезд Советов. С. 65—66.
- ⁵² Гусев К.В., Ерицын А. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968. Прилож. Таб. 2.
- ⁵³ Фельштинский Ю.А. Крушение мировой революции. М., 1992. С. 223, 210.
- ⁵⁴ Правда. 1918. 20 дек.
- ⁵⁵ Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями: Сб. док. М., 1957. Т. 2. С. 220—221.
- ⁵⁶ Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 205.
- ⁵⁷ Социал-демократ. 1918. 20 февр.
- ⁵⁸ Фельштинский Ю. Крушение... С. 265.
- ⁵⁹ Штейнберг И.З. Почему мы против Брестского мира. М., 1918. С. 12.
- ⁶⁰ Протоколы съездов и конференций. С. 262.
- ⁶¹ Измайлович А. Послеоктябрьские ошибки. С. 13.
- ⁶² Штейнберг И.З. Почему мы против ... С. 24.
- ⁶³ Четвертый Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. М., 1920. С. 64, 67.
- ⁶⁴ Измайлович А. Послеоктябрьские ошибки. С. 13.
- ⁶⁵ Камков Б. Две тактики. М., 1918. С. 27—28.
- ⁶⁶ Штейнберг И.З. Почему мы против ... С. 27.
- ⁶⁷ Четвертый Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. С. 40, 51; Политические деятели России... С. 138, 140.
- ⁶⁸ Знамя труда. 1918. 19 апр.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ РЦХИДНИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2. Л. 104.
- ⁷¹ Знамя труда. 1918. 11 апр.
- ⁷² Правда. 1918. 22 мая.
- ⁷³ Резолюции и постановления I и II Всероссийских съездов партии левых социалистов-революционеров. М., 1918. С. 25—26.
- ⁷⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 70; Аникеев В.В. Деятельность ЦК РСДРП(б) — РКП(б) в 1917—1918 годах: Хроника событий. М., 1974. С. 263.
- ⁷⁵ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 2. С. 264—266, 300—301, 416—419.
- ⁷⁶ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва: Стенограф. отчет. М., 1920. С. 255.
- ⁷⁷ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: Стенограф. отчет. М., 1919.
- ⁷⁸ РЦХИДНИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 11. Л. 5—6, 6 об, 7 об, 9, 11, 12 об, 14, 21.
- ⁷⁹ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 185—186.
- ⁸⁰ РЦХИДНИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 4. Л. 107—112.
- ⁸¹ Ленин В.И. Сочинение. 4-е изд. Т. 27. С. 253.
- ⁸² Пятый Всероссийский съезд Советов... С. 190.
- ⁸³ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 321—323.
- ⁸⁴ Там же. С. 335—336.

- ⁸⁵ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва ... С. 72—73.
⁸⁶ См.: Гурвич Г.С. История советской Конституции. М. 1923.
⁸⁷ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва ... С. 70—72.
⁸⁸ Исаев И.А. История ... С. 292; Гурвич Г.С. История...
⁸⁹ Ленин В.И. Соч. 3-е изд. Т. XXIII. С. 19.
⁹⁰ Мстиславский С. Испытание властью. Свое и чужое//Наш путь. 1918. № 2. С. 202—203.
⁹¹ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 351.
⁹² Мстиславский С. Испытание властью... С. 204—205.
⁹³ Исаев И.А. История ... С. 292.
⁹⁴ Мстиславский С. Испытание властью... С. 206, 209.
⁹⁵ Гурвич Г.С. История ... С. 33, 146—147.
⁹⁶ Там же. С. 67.
⁹⁷ Пятый Всероссийский съезд Советов... С. 53—54.
⁹⁸ Известия Центрального исполнительного комитета. 1918. 19 июля.
⁹⁹ Гурвич Г.С. История ... С. 90—91; Пятый Всероссийский съезд Советов... С. 183—195.
¹⁰⁰ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 185.
¹⁰¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 497.

О.Г. Попова

ИДЕЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ЕГО РОЛЬ В ПОПЫТКЕ СОЗДАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В 1917 — НАЧАЛЕ 1918 г.

Учредительным собранием принято считать высший представительный орган страны, призванный учредить новое государственное устройство и выработать основной закон государства (Конституцию). В отличие от парламента, Учредительное собрание — орган чрезвычайный, а не постоянно действующий. Возникая в период радикальных общественных перемен, Учредительное собрание наделяется обычно широкими полномочиями, но на достаточно короткий период. После создания новой государственной системы и решения наиболее важных проблем страны, Учредительное собрание прекращает существование, передав власть парламенту и правительству. В истории известны около 50 Учредительных собраний. Они чаще всего созывались после победоносных революций для закрепления их завоеваний, а также после войн, национальных восстаний, восстановления независимости бывших колоний.